

КАК СТАРИК ДОМОВНИЧАЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

КАК СТАРИК ДОМОВНИЧАЛ

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1981

В книге — бытовые сказки о народной жизни, о нелепых, смешных поступках старика в повседневных простых делах («Как старик домовничал»), об упрямой жене («Жена-спорщица»), о ленивых муже и жене («Горшок»), о том, как братья избавились от горя («Горе»), о смекалистом мужике («Шемякин суд») и др.

Рисунки Б. Шахова

Завешание

Жил-был мужик. Умирает у него отец и говорит:
— Ты, мой сын, живи так: чтобы ты никому не кланялся, а тебе бы все кланялись, и калачи бы ел с мёдом!

Умер отец. А этот мужик живёт год — прожил сто рублей: никому не кланялся и всё калачи ел с мёдом. Живёт другой — прожил другую сотню. На третий год прожил третью сотню. И думает: «Что же это? Сотни у меня не прибавляются, а всё убавляются!» Приходит, рассказывает дяде. Дядя ему и сказал:

— Эх ты! Выезжай-ко ты раньше всех на пашню, никому и не будешь кланяться, а тебе все будут кланяться. А приезжай домой поздно, тебе калачи то будет казаться с мёдом.

Жена-спорщица

Была у одного мужа жена, да только такая задорная, что всё ему наперекор говорила. Бывало, он скажет: «бритое», а уж она непременно кричит: «стриженое»! Всякой день бранилась.

Надоела жена мужу, вот он и стал думать, как бы от неё отделаться. Идут они раз к реке, а вместо моста на плотине лежит перекладина. «Постой, — думает он, — вот теперь-то я её изведу».

Как стала она переходить по перекладине, он и говорит:

— Смотри же, жена, не трясись, не то как раз утонешь!

— Так вот же нарочно буду!

Тряслась, тряслась да и бултых в воду!

Жалко ему стало жены; вот он влез в воду, стал её искать и идёт по воде вверх по течению.

— Что ты тут ищешь? — говорят ему прохожие мужики.

— А вот жена утонула, вон с этой перекладины упала.

— Дурак, дурак! Ты бы шёл вниз по реке, а не в гору; её теперь, чай, снесло.

— Эх, братцы, молчите; она всё делала наперекор, так уж и теперь, верно, пошла против воды.

Беспамятный зять

Пришёл зять к теще в гости. Тёща угостила его киселём.

Зять съел кисель и спрашивает:

— Это что за кушанье?

— Кисель.

Зятю кисель очень пришёлся по вкусу; думает он: «Дома непременно заставлю жену сварить, только бы не забыть, как зовётся».

Вот пошёл он домой и твердит про себя: «Кисель, кисель, кисель!»

Случилась на дороге канава. Хотел зятёк перескочить через неё, да поскользнулся и упал. Встал — и забыл, что ел у тещи. Думал, думал — никак не может вспомнить.

Едет мимо барин на шестёрке и видит: мужик бродит в канаве.

Остановился и спрашивает:

— Что потерял, мужичок?

— Сто рублей.

— Кучер, поди поищи, — говорит барин, — а найдёшь — разделим пополам.

Кучер подошёл к канаве и говорит:

— Вишь как взболтал грязь-то в канаве, словно кисель!..

— Нашёл, нашёл! — закричал зять, выскочил из канавы и со всех ног пустился домой, а сам всё кричит: — Кисель, кисель!

Как старик домовничал

Один старик всё ругал свою жену:

— Вот, — говорит, — я пашу, у меня работа тяжёлая, а ты дома сидишь, ничего не делаешь.

А она говорит:

— Ну что ж, давай поменяемся: я пахать поеду, а ты дома оставайся, тут дела немного, ты и отдохнёшь.

Так и сделали: она в поле поехала, а старика дома оставила. А дела дала ему совсем мало: хлебы испечь, масло сбить да клушку с цыплятами покараулить. Вот и всё, всего три дела.

Остался старик дома. Хочется ему поскорее все дела переделать. Вот он всех цыплят на одну ниточку к клушке привязал, чтобы коршун не утащил,

хлебы замесил, печку истопил, посадил в печку хлебы, а сам сел масло сбивать. Бьёт он масло, услышал — клушка кричит. Он выбежал, видит — понёс коршун всех цыплят вместе с клушкой. Они все на одной ниточке привязаны, ну, коршун всех и потащил. Старик думает: «Он далеко не улетит, ему тяжело, где-нибудь сядет». И вот он пахталку на спину привязал и побежал за коршуном. Думал так: «Пока я бегаю, масло-то и собьётся. Два дела сделаю: и коршуна догоню, и масло собью».

Бегал старик за коршуном, бегал, споткнулся да упал, пахталка разбилась, сметана по земле потекла. И цыплят не отнял и сметану пролил. Вот тебе и два дела! Ну, что же делать? Надо идти домой.

Пришёл старик домой. Надо хлебы вынимать. Заглянул в печку, а хлебы-то в уголь сгорели. На-

хозяйничал старик: цыплят у него коршун утащил, сметану пролил, хлеба сгорели. Плохое дело. Жена придет — что ей сказать? И надумал старик: «Хоть цыплят до неё высижу, поменьше ругаться будет». Положил он яиц в кошёлку, залез в подпечку и сел цыплят высиживать.

Вот приехала старикова жена с поля, стала лошадь выпрягать, сама думает: «Что же старик плохо встречает? Хоть бы лошадь выпряг». Прибрала она лошадь, идёт в избу. Старика нет, а под печкой клушка клохчет. Она поглядела, а там не клушка, а старик. Она его вытащила, стала спрашивать:

— Давай сказывай, что ты дома делал?

Стал старик рассказывать. И тут уж старикова жена увидела, что у её старика ничего с домашними делами не получается.

И всё у них пошло, как и прежде: старик пашет, а старуха дома со всеми делами управляется. Только с тех пор перестал старик жену за безделье ругать.

Наговорная водица

Жили-были муж с женой. Смолоду они жили всем на загляденье, а под старость — словно их кто подменил. Только спустит утром старик ноги с печки, как уж и пошла промеж ним и старухой перебранка. Он старухе слово, а она ему два, он ей два, а она ему пять, он — пять, а она — десять. И такой вихорь завьётся промеж них, хоть из избы вон беги.

А разбираться начнут — виноватого нет.

— Да с чего б это у нас, старуха, а? — скажет старик.

— Да всё ты, старый, ты всё!..

— Да полно! Я ли? Не ты ли? С долгим-то языком!..

— Не я, да ты!

— Ты, да не я!

И снова здорово: опять ссора промеж них за-

теялась. Вот раз слушала, слушала их соседка и говорит:

— Маремьянушка, что это у тебя со старым-то всё нелады да нелады. Сходила б ты на край села к бобылке. Бобылка на водицу шепчет... Людям помагает, авось и тебе поможет.

«А и впрямь, — подумала старуха, — схожу к бобылке...»

Пришла к бобылке, постучала в окошко. Та вышла.

— Что, — спрашивает, — старушечка, тебе надобно?

— Да вот, — отвечает бабка, — пошли у нас нелады со стариком.

— А подожди, — говорит бобылка, — немного.

И сама — в дом.

Вынесла старухе воды в деревянном ковше да при ней же на ту воду пошептала. Потом перелила её в стеклянную посудину, подаёт и говорит:

— Как домой придёшь да как зашумит у тебя старик-то, так ты водицы-то и хлебни; да не плюнь, не глотни, а держи во рту-то, пока он не угомонится... Всё ладно и будет!

Поклонилась старуха бобылке, взяла посудину с водой — и домой. И только ногу за порог занесла, как старик на неё и напустился:

— Ох уж мне эти бабы-стрекотухи! Как пойдут, так словно провалятся! Давным-давно самовар пора ставить, а ты думать забыла! И где это ты запропала?..

Отхлебнула старуха из стеклянной посуды, да не плюнула, не проглотила, а, как велела бобылка, держит во рту.

А старик видит, что она не отвечает, и сам замолчал. Обрадовалась старуха: «А и впрямь, видать, что водица эта наговорная целебная!»

Поставила посудину с водой, а сама — за самовар да и загреми трубой.

Услышал это старик:

— Эка нескладна-неладна! Не тем концом руки, видать, воткнуты!

А старуха хотела было ему ответить, да вспомнила наказ бобылки — и опять за водицу! Хлебнула и держит во рту.

Видит старик, что старуха ни словечка ему супротив не говорит, дался диву и... замолчал.

И пошло промеж них с той поры всё как по писаному: снова, как в молодые годы, людям на загляденье жить стали. Потому, как только начнёт старик шуметь, старуха сейчас — за наговорную водицу!

Вот она, сила-то, в ней какая!

Горшок

Жили-были мужик да баба. Оба были такие ленивые... Так и нороят дело на чужие плечи столкнуть, самим бы только не делать... И дверь-то в избу никогда на крюк не закладывали: утром-де вставай, да руки протягивай, да опять крюк скидывай... И так проживём.

Вот раз баба и свари каши. А уж и каша сварилась! Румяна да рассыпчата, крупина от крупины так и отваливается. Вынула баба кашу из печи, на стол поставила, маслицем сдобрила. Съели кашу и ложки облизали... Глядь, а в горшке-то сбоку да на доньшке приварилась каша, муть горшок надобно. Вот баба и говорит:

— Ну, мужик, я своё дело сделала — кашу сварила, а горшок тебе муть!

— Да полно тебе! Мужиково ли дело горшки мыть! И сама вымоешь.

— А и не подумаю!

— И я не стану.

— А не станешь — пусть так стоит!

Сказала баба, сунула горшок на шесток, а сама на лавку.

Стоит горшок невымытый.

— Баба, а баба! Надобно горшок-то вымыть!

— Сказано — твоё дело, ты и мой!

— Ну вот что, баба! Уговор дороже денег: кто завтра первый встанет да перво слово скажет, тому и горшок мыть.

— Ладно, лезь на печь, там видно будет.

Улеглись. Мужик на печи, баба на лавке. Пришла тёмна ноченька, потом утро настало.

Утром-то никто и не встаёт. Ни тот, ни другой и не шелохнутся — не хотят горшка мыть.

Бабе надо коровушку поить, доить да в стадо гнать, а она с лавки-то и не подымается.

Соседки уже коровушек прогнали.

— Что это Маланьи-то не видать? Уж всё ли поздорову?

— Да, бывает, позапозднилась. Обрато пойдём — не встретим ли...

И обрато идут — нет Маланьи.

— Да нет уж! Видно, что приключилося!

Соседка и сунься в избу. Хвать! — и дверь не заложена. Неладно что-то. Вошла, огляделась.

— Маланья, матушка!

А баба-то лежит на лавке, во все глаза глядит, сама не шелохнется.

— Почто коровушку-то не прогоняла? Ай нездоровилось?

Молчит баба.

— Да что с тобой приключилось-то? Почто молчишь?

Молчит баба, ни слова не говорит.

— Господи помилуй! Да где у тебя мужик-то?.. Василий, а Василий!

Глянула на печь, а Василий там лежит, глаза открыты — и не ворохнётся.

— Что у тебя с женой-то? Ай попритчилось?

Молчит мужик, что воды в рот набрал. Всполошилась соседка:

— Пойти сказать бабам!

Побежала по деревне:

— Ой, бабоньки! Неладно ведь у Маланьи с Василием: лежат — пластом — одна на лавке, другой на печи. Глазоньками глядят, а словечушка не молвят. Уж не порча ли напущена?

Прибежали бабы, причитают около них:

— Матушки! Да что это с вами подеялось-то?.. Маланьюшка! Васильюшка! Да почто молчите-то?

Молчат оба что убитые.

— Да бегите, бабы, за попом! Дело-то совсем неладно выходит.

Сбегали. Пришёл поп.

— Вот, батюшка, лежат оба — не шелохнутся; глазоньки открыты, а словечушка не молвят. Уж не попорчены ли?

Поп бороду расправил — да к печке:

— Василий, раб божий! Что приключилось-то?

Молчит мужик.

Поп — к лавке:

— Раба божия! Что с мужем-то?

Молчит баба.

Соседки поговорили, поговорили — да и вон из избы. Дело не стоит: кому печку топить, кому ребят кормить, у кого цыплята, у кого поросята.

Поп и говорит:

— Ну, православные, уж так-то оставить их боязно, посидите кто-нибудь.

Той некогда, другой некогда.

— Да вот, — говорит, — бабка-то Степанида пусть посидит, у неё не ребята плачут — одна живёт.

А бабка Степанида поклонилась и говорит:

— Да нет, батюшка, даром никто работать не станет! А положи жалованье, так посижу.

— Да какое же тебе жалованье положить? — спрашивает поп да повёл глазами-то по избе. А у двери висит на стенке рваная Маланьина кацавейка, вата клоками болтается. — Да вот, — говорит поп, — возьми кацавейку-то. Плоха, плоха, а всё годится хоть ноги прикрыть.

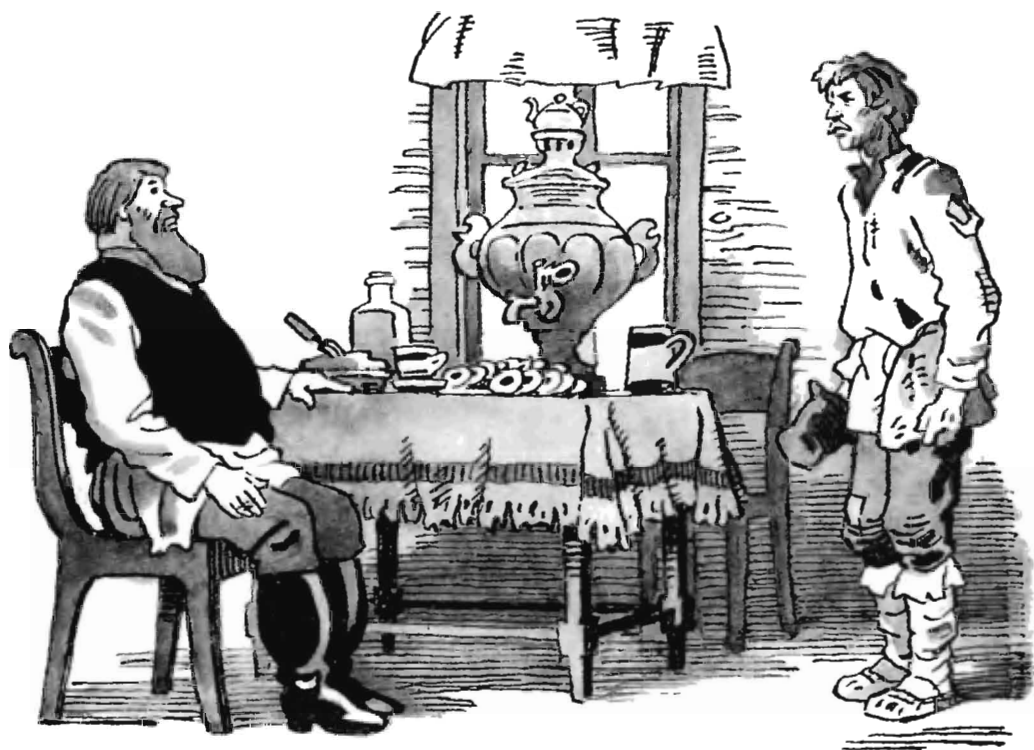
Только это он проговорил, а баба-то, как ошпарена, скок с лавки, середь избы стала, руки в боки.

— Это что же такое? — говорит. — Моё-то добро отдавать? Сама ещё поношу да из своих рученок кому хочу, тому отдам!

Ошалели все. А мужик-то этак тихонько ноги с печи спустил, склонился да и говорит:

— Ну вот, баба, ты перво слово молвила — тебе и горшок мыть.

Горе

В одной деревушке жили два мужика, два родные брата: один был бедный, другой богатый.

Богач переехал на житьё в город, выстроил себе большой дом и записался в купцы; а у бедного иной раз нет ни куска хлеба, а ребятишки — мал мала меньше — плачут да есть просят. С утра до вечера бьётся мужик как рыба об лёд, а всё ничего нет.

Говорит он однова своей жене:

— Дай-ка пойду в город, попрошу у брата: не поможет ли чем?

Пришёл к богатому:

— Ах, братец родимый! Помогии сколько-нибудь моему горю; жена и дети без хлеба сидят, по целым дням голодают.

— Проработай у меня эту неделю, тогда и помогу!

Что делать? Принялся бедный за работу: и двор чистит, и лошадей холит, и воду возит, и дрова рубит. Через неделю даёт ему богатый одну ковригу хлеба:

— Вот тебе за труды!

— И за то спасибо! — сказал бедный, поклонился и хотел было домой идти.

— Постой! Приходи-ка завтра ко мне в гости и жену приводи: ведь завтра мои именины.

— Эх, братец, куда мне? Сам знаешь: к тебе придут купцы в сапогах да в шубах, а я в лаптях хожу да в худеньком сером кафтанишке.

— Ничего, приходи! И тебе будет место.

— Хорошо, братец, приду.

Воротился бедный домой, отдал жене ковригу и говорит:

— Слушай, жена! Назавтра нас с тобой в гости звали.

— Как в гости? Кто звал?

— Брат: он завтра именинник.

— Ну что ж, пойдём.

Наутро встали и пошли в город, пришли к богатому, поздравили его и уселись на лавку. За столом уж много именитых гостей сидело; всех их угощает хозяин на славу, а про бедного брата и его жену и думать забыл — ничего им не даёт; они сидят да только посматривают, как другие пьют да едят.

Кончился обед; стали гости из-за стола вылазить да хозяина с хозяйюшкой благодарить, и бедный тоже — поднялся с лавки и кланяется брату в пояс. Гости поехали домой пьяные, весёлые, шумят, песни поют.

А бедный идёт назад с пустым брюхом.

— Дай-ка, — говорит жене, — и мы запоём песню!

— Эх ты, дурак! Люди поют оттого, что сладко поели да много выпили; а ты с чего петь вздумал?

— Ну, всё-таки у брата на именинах был; без песен мне стыдно идти. Как я запою, так всякий подумает, что и меня угостили...

— Ну пой, коли хочешь, а я не стану!

Мужик запел песню, и послышалось ему два голоса; он перестал и спрашивает жену:

— Это ты мне подсобляла петь тоненьким голоском?

— Что с тобой? Я вовсе и не думала.

— Так кто же?

— Не знаю! — сказала баба. — А ну запой, я послушаю.

Он опять запел: поёт-то один, а слышно два голоса; остановился и спрашивает:

— Это ты, Горе, мне петь пособляешь?

Горе отозвалось:

— Да, хозяин! Это я пособляю.

— Ну, Горе, пойдём с нами вместе.

— Пойдём, хозяин! Я теперь от тебя не отстану.

Пришёл мужик домой, а Горе зовёт его в кабак. Тот говорит:

— У меня денег нет!

— Ох ты, мужичок! Да на что тебе деньги? Видишь, на тебе полушубок надет, а на что он? Скоро лето будет, всё равно носить не станешь! Пойдём в кабак, да полушубок побоку...

Мужик и Горе пошли в кабак и пропили полушубок. На другой день Горе заохало — с похмелья голова болит — и опять зовёт хозяина винца испить.

— Денег нет, — говорит мужик.

— Да на что нам деньги? Возьми сани да телегу — с нас и довольно!

Нечего делать, не отбиться мужику от Горя: взял он сани и телегу, потащил в кабак и пропил вместе с Горем.

Наутро Горе ещё больше заохало, зовёт хозяина опохмелиться; мужик пропил и борону и соху.

Месяца не прошло, как он всё спустил; даже избу свою соседу заложил, а деньги в кабаке снёс.

Горе опять пристаёт к нему:

— Пойдём да пойдём в кабаке!

— Нет, Горе! Воля твоя, а больше тащить нечего.

— Как нечего? У твоей жены два сарафана: один оставь, а другой пропить надобно.

Мужик взял сарафан, пропил и думает:

«Вот когда чист! Ни кола, ни двора, ни на себе, ни на жене!»

Поутру проснулось Горе, видит, что у мужика нечего больше взять, и говорит:

— Хозяин!

— Что, Горе?

— А вот что: ступай к соседу, попроси у него пару волов с телегою.

Пошёл мужик к соседу.

— Дай, — просит, — на времечко пару волов с телегою; я на тебя хоть неделю за то проработаю.

— На что тебе?

— В лес за дровами съездить.

— Ну возьми; только не велик воз накладывай.

— И, что ты, кормилец!

Привёл пару волов, сел вместе с Горем на телегу и поехал в чистое поле.

— Хозяин, — спрашивает Горе, — знаешь ли ты на этом поле большой камень?

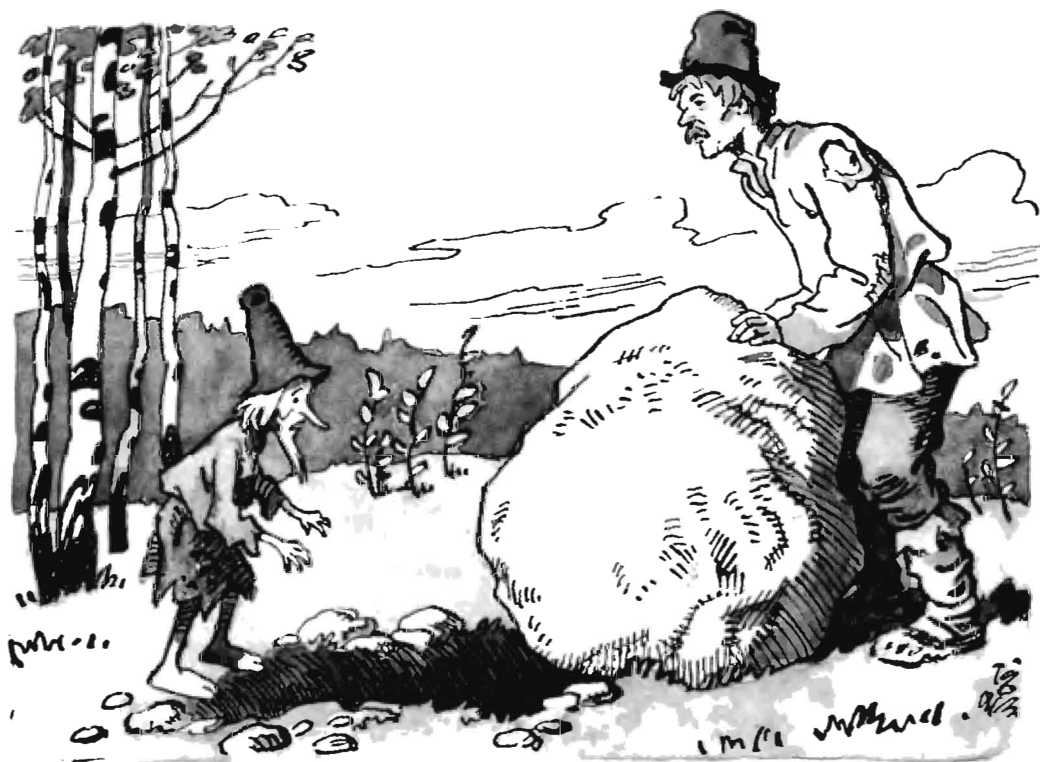
— Как не знать!

— А когда знаешь, поезжай прямо к нему.

Приехали они на то место, остановились и вылезли из телеги.

Горе велит мужику поднимать камень. Мужик поднимает, Горе пособляет; вот подняли, а под камнем яма — полна золотом насыпана.

— Ну, что глядишь? — сказывает Горе мужику. — Таскай скорей в телегу.

Мужик принялся за работу и насыпал телегу золотом; всё из ямы повыбрал до последнего червонца, видит, что уж больше ничего не осталось, и говорит:

— Посмотри-ка, Горе, никак, там ещё деньги остались?

Горе наклонилось:

— Где? Я что-то не вижу!

— Да вон в углу светятся!

— Нет, не вижу.

— Полезай в яму, так и увидишь.

Горе полезло в яму; только что опустилось туда, а мужик и накрыл его камнем.

— Вот этак-то лучше будет! — сказал мужик. — Не то коли взять тебя с собою, так ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а всё же пропьёшь и эти деньги!

Приехал мужик домой, свалил деньги в подвал, волов отвёл к соседу и стал думать, как бы себя

устроить. Купил лесу, выстроил большие хоромы и зажил вдвое богаче своего брата.

Долго ли, коротко ли — поехал он в город просить своего брата с женой к себе на именины.

— Вот что выдумал! — сказал ему богатый брат. — У самого есть нечего, а ты ещё именины справляешь!

— Ну, когда-то было нечего есть, а теперь, слава богу, имею не меньше твоего; приезжай — увидишь.

— Ладно, приеду!

На другой день богатый брат собрался с женою и поехали на именины; смотрят, а у бедного-то голыша хоромы новые, высокие, не у всякого купца такие есть! Мужик угостил их, употчевал всякими надками, напоил всякими медами и винами. Спрашивает богатый у брата:

— Скажи, пожалуйста, какими судьбами разбогател ты?

Мужик рассказал ему по чистой совести, как привязалось к нему Горе горемычное, как пропил он с Горем в кабаке всё своё добро до последней нитки: только и осталось, что душа в теле; как Горе указало ему клад в чистом поле, как он забрал этот клад да от Гора избавился.

Завистно стало богатому.

«Дай, — думает, — поеду в чистое поле, подниму камень да выпущу Горе — пусть оно дотла разорит брата, чтоб не смел передо мною своим богатством чваниться».

Отпустил свою жену домой, а сам в поле погнал: подъехал к большому камню, своротил его в сторону и наклоняется посмотреть, что там под камнем. Не успел порядком головы нагнуть — а уж Горе выскочило и уселось ему на шею.

— А, — кричит, — ты хотел меня здесь уморить! Нет, теперь я от тебя ни за что не отстану.

— Послушай, Горе, — сказал купец, — вовсе не я засадил тебя под камень...

— А кто же, как не ты?

— Это мой брат тебя засадил, а я нарочно пришёл, чтоб тебя выпустить.

— Нет, врёшь! Один раз обманул, в другой не обманешь!

Крепко насело Горе богатому купцу на шею; привёз он его домой, и пошло у него всё хозяйство вкривь да вкось. Горе уж с утра за своё принимается; каждый день зовёт купца опохмелиться; много добра в кабак ушло.

«Этак несходно жить! — думает про себя купец. — Кажись, довольно потешил я Горе; пора б и расстаться с ним, да как?»

Думал, думал и выдумал: пошёл на широкий двор, обтесал два дубовых клина, взял новое колесо и накрепко вбил клин с одного конца во втулку. Приходит к Горю:

— Что ты, Горе, всё на боку лежишь?

— А что ж мне больше делать?

— Что делать? Пойдём на двор в гулючки играть.

А Горе и радо. Вышли на двор. Сперва купец спрятался — Горе сейчас его нашло; после того черёд Горю прятаться.

— Ну, — говорит, — меня не скоро найдёшь! Я хоть в какую щель забьюсь!

— Куда тебе! — отвечает купец. — Ты в это колесо не влезешь, а то — в щель!

— В колесо не влезу? Смотри-ка, ещё как спрячусь!

Влезло Горе в колесо; купец взял да и с другого конца забил во втулку дубовый клин, поднял колесо и забросил его вместе с Горем в реку.

Горе потонуло, а купец стал жить по-старому, по-прежнему.

Шемякин суд

Жили два брата. Один-то был бедный, а другой богатый. Не стало у бедного брата дров. Нечем вытопить печь. Холодно в избе.

Пошёл он в лес, дров нарубил, а лошади нет. Как дрова привезти?

— Пойду к брату, попрошу коня.

Неласково принял его богатый брат.

— Взять коня возьми, да смотри большого возу не накладывай, а вперёд на меня не надейся: сегодня дай да завтра дай, а потом и сам по миру ступай.

Привёл бедняк коня домой и вспомнил:

— Ох, хомута-то у меня нет! Сразу не спросил, а теперь и ходить нечего — не даст брат.

Кое-как привязал покрепче дровни к хвосту братнина коня и поехал.

На обратном пути зацепились дровни за пень, а бедняк не заметил, подхлестнул коня.

Конь был горячий, рванулся и оторвал хвост.

Как увидел богатый брат, что у коня хвоста нет, заругался, закричал:

— Сгубил коня! Я этого дела так не оставлю!

И подал на бедняка в суд.

Много ли, мало ли времени прошло, вызывают братьев в город на суд.

Идут они, идут. Бедняк думает:

«Сам в суде не бывал, а пословицу слышал: слабый с сильным не борись, а бедняк с богатым не судись. Засудят меня».

Шли они как раз по мосту. Перил не было. Поскользнулся бедняк и упал с моста. А на ту пору внизу по льду ехал купец, вёз старика отца к лекарю.

Бедняк упал да прямо в сани попал и ушиб старика насмерть, а сам остался жив и невредим.

Купец ухватил бедняка:

— Пойдём к судье!

И пошли в город трое: бедняк да богатый брат и купец.

Совсем бедняк пригорюнился:

«Теперь уж наверняка засудят».

Тут он увидал на дороге увесистый камень. Схватил камень, завернул в тряпку и сунул за пазуху.

«Семь бед — один ответ: коли не по мне станет судья судить да засудит, убью и судью».

Пришли к судье. К прежнему делу новое прибавилось. Стал судья судить, допрашивать.

А бедный брат поглядит на судью, вынет из-за пазухи камень в тряпке да и шепчет судье:

— Суди, судья, да поглядывай сюда.

Так раз, и другой, и третий. Судья увидал и думает: «Уж не золото ли мужик показывает?»

Ещё раз взглянул — посул большой.

«Коли и серебро, денег много».

И присудил бесхвостого коня держать бедному брату до тех пор, покуда у коня хвост не отрастёт.

А купцу сказал:

— За то, что человек убил твоего отца, пусть он сам станет на льду под тем же мостом, а ты скачи на него с моста и задави его самого насмерть, как он твоего отца задавил.

На том суд и кончился.

Богатый брат говорит:

— Ну ладно, так и быть, возьму у тебя бесхвостого коня.

— Что ты, братец, — бедняк отвечает. — Уж пусть будет, как судья присудил: подержу твоего коня до тех пор, покуда хвост не вырастет.

Стал богатый брат уговаривать:

— Дам тебе тридцать рублей, только отдай коня.

— Ну ладно, давай деньги.

Отсчитал богатый брат тридцать рублей, и на том они поладили.

Тут и купец стал просить:

— Слушай, мужичок, я тебе твою вину прощаю, всё равно родителя не воротишь.

— Нет, уж пойдём, коли суд присудил, скачи на меня с моста.

— Не хочу твоей смерти, помирись со мной, а я тебе сто рублей дам, — просит купец.

Получил бедняк с купца сто рублей. И только собрался уходить, подзывает его судья:

— Ну, давай посуленное.

Вынул бедняк из-за пазухи узелок, развернул тряпицу и показал судье камень.

— Вот чего тебе показывал да приговаривал: «Суди, судья, да поглядывай сюда». Кабы ты меня засудил, так я б тебя убил.

«Вот и хорошо, — думает судья, — что судил я по этому мужику, а то бы и живу не быть».

А бедняк весёлый, с песенками, домой пришёл.

Содержание

Завещание . . .	3
Жена-спорщица . . .	4
Беспамятный зять	6
Как старик домовничал . . .	8
Наговорная водица . . .	11
Горшок	15
Горе	20
Шемякин суд . . .	28

К16 Как старик домовничал: Русские народные сказки/Рис. Б. Шахова. — М.: Дет. лит., 1981. — 32 с., ил. (Читаем сами).

10 к.

В книге восемь русских народных бытовых сказок

К 70802—094 212—81
М101(03)81

РФ

